

наполнился радости и веселия вся внутренняя его и от великия тоя скорби и печали во утишие и радость преложиша».⁵²

В духе этой традиции излюбленным способом для изображения своих чувств Епифанию служат наблюдения над собственным сердцем, за которым он следит как за чутким манометром душевной жизни. В этих случаях он развивает тот же метод внешней материализации своих переживаний в виде описания разных состояний собственного сердца, какой он применял при изображении фантастических событий с помощью описания действий своих рук. Обращаясь к богу, он говорит: «зажги и запали сердце мое любовью твоею и всю внутреннюю мою, да всегда горит к тебе, свету» (260), в другом случае констатирует: «и возгореса сердце мое и внутренняя моя... и завопел ко господу богу» (254). Но в отличие от житийной литературы автор переносит эту трафаретную характеристику духовных экстазов подвижника на описание своих реальных физических страданий: после казни «возгореса сердце мое во мне и вся внутренняя моя огнем великим» (248).

Автор превращает эти фразеологически стереотипные метафорические описания состояний своего сердца в способ постоянных психологических самонаблюдений. В этом отношении он имеет предшественника в лице Елеазара Анзерского, который в своей автобиографии использовал аналогичные характеристики: «И ощути сердце свое исполнено радости многа зело», «душа моя вострепета, вся внутренняя моя зело» и «возрадовася душа моя, и вся внутренняя в веселии бысть».⁵³

Применяя к себе по принципу антитезы слова псалма «возвеселися сердце мое», Епифаний возражает: «Ныне сердце мое не веселится, но плачет». Получив исцеление, он говорит: «И о сем ныне веселюся... сердцем моим» (253). Бесы были изгнаны из кельи, «а сердце мое наполнено великия радости и веселия» (234); богородица беса мучит, «а сердце мое великия радости наполнено» (236); автору является Евфросин, «а сердце мое наполнено великия радости» (245); богородица избавляет автора от страданий, и его «сердце радуется» (249).

Попытки анализа состояния собственной души неизменно приводят автора к описанию своего сердца как традиционного вместилища душевной жизни. Изображая, например, испытанный им страх смерти, автор говорит: «начал тужити и скорбети в сердце моем, глаголя: „како избуду муки вечныя...?“» (243), или: «Слава тебе, господи... в сердцы моем утешения твоя возвеселиша душу мою» (255).

Глубокий вздох как обычное внешнее проявление переживания вырывается у подвижника именно из сердца. Это отливается в стереотипные фразеологические формулы: например, Евфросин Псковский, «вздохнув из глубины сердца своего... рече»,⁵⁴ Боголеп, «вздохнув от сердца, прослезися»,⁵⁵ Никодим Кожеозерский — «тяжко о сем вздохнув из глубины сердечныя».⁵⁶ Точно так же пишет о себе Епифаний: «И вздохнул ко господу из глубины сердца моего» (250); «Аз же, грешный, тогда вздохнул из глубины сердца моего умиленно» (251); «вздохну из глубины сердца моего» (252).⁵⁷ Автор даже обращается с речью к самому себе из собственного сердца: «рекох себе из глубины сердечныя» (257).

⁵² В. Ключевский, *Древнерусские жития святых...*, стр. 400.

⁵³ *Житие и чудеса... Елеазара... Анзерского*, лл. 33, 36, 36 об.

⁵⁴ *Повесть о Евфросине Псковском*, стр. 79.

⁵⁵ *Повесть о Мартирии...*, стр. 56.

⁵⁶ *Житие Никодима Кожеозерского*, стр. 288.

⁵⁷ См.: В. В. Виноградов, *Очерки...*, стр. 37.